

Собеседник

Римашевская Наталья Михайловна

Ведущий

Винокурова Наталья Анатольевна

Дата записи

Беседа записана 30 марта 2013 и опубликована 16 сентября 2013.

Введение

Беседа посвящена рассказу о детстве, родителях, учебе в Московском университете, где ее однокурсниками были Михаил Сергеевич Горбачев и Зденек Млынарж, будущий деятель «Пражской весны». Особенно важен рассказ об удивительных социологических и экономических исследованиях, проводившихся в СССР под руководством Натальи Михайловны: многолетний комплексный проект по изучению семейного благосостояния, условий, уровня, образа и качества жизни городского населения России на примере Таганрога; международный проект исследования потребления «Запад-Восток», первые в нашей стране гендерные исследования и исследования здоровья населения. Не обходит вниманием Наталья Михайловна и вопросы необходимости диалога ученого и власти, научной ангажированности и честности.

О родителях и детстве

Наталья Анатольевна Винокурова: Начнем с самого начала. Какого вы рода-племени? Кто были ваши родители? Немножко о вашем детстве.

Наталья Михайловна Римашевская: Вообще, это было так давно, что я ничего особенного не скажу. Отец у меня был инженером, работал на заводе «Динамо» в Москве. Мама — домохозяйка.

Н.В.: Как в те годы вообще было, женщины не работали.

Н.Р.: Да-да. Она имела двух дочерей, потом, у каждой дочери по два сына, да у каждого сына еще... В общем она всех воспитывала, и дожила почти до ста лет. Она умерла, три месяца, кажется, до ста лет не дожив. Всю свою жизнь она посвятила своим детям, внукам, правнукам.

Н.В.: Откуда она родом? Откуда такая хорошая генетика?

Наталья Михайловна

Н.Р.: Она [мама] родилась в Москве. Отец ее был настоящий пролетарий: работал на юге Москвы на заводе «Красный...». Не знаю, не помню сейчас точно. Обычный пролетарий. Родители мамы моей жили в такой, знаете, пролетарской конуре. Ну, а папа был первый, по-моему, сын у своих родителей. У них было шестеро детей. У моей бабушки — шесть детей. И все-таки они все окончили что-то. Папа был первым. Да, а бабушка еще брала на воспитание, представляете?

Н.В.: А она из детдома брала?

Н.Р.: Ну, наверное. Они жили где-то под Москвой. Потом уже папа жил в Москве, они все переехали в Москву. И я просто это знаю, что бабушка брала детей, хотя она одна их воспитывала: муж рано умер, был столяр... Она воспитывала своих детей и брала на воспитание чужих. Просто меня знакомили когда-то, что вот это как бы мой какой-то дядя, но не родной. Вот такая была семья. Ну, особенного ничего: все просто родились, учились и работали. И все. Так и я тоже родилась, росла. Я была тоже первая. У меня еще есть сестра, но у нас разница 14 лет — такая большая. Они живут сейчас в Штатах. Ее муж — известный математик. И они там живут уже 10 лет.

Н.В.: А что вы о своем детстве помните? Какие-то сильные впечатления?

Н.Р.: Ничего особенного, я бы так сказала. Я училась в школе, кончила школу. Отец мой работал, но не все время в Москве: где-то там еще. Не помню. Помню, как война началась. А мы как раз жили тогда в Сталинграде. Папа где-то был в другом городе, а мама — с нами. К нам приехали тогда люди из Москвы, родственники, поскольку уже немцы были у Москвы. И они к нам эвакуировались. А потом мама всех вывозила из Сталинграда туда, где был папа. Я уже сейчас не помню, где он был, где-то на Волге.

Н.В.: А когда же вы уехали из Сталинграда? До 43-го года?

Н.Р.: Из Сталинграда?

Н.В.: Да.

Н.Р.: Да, конечно. Это было, по-моему, в 42-м году, когда там еще немцев не было, немцы подходили. Мы, я помню, уехали на последнем пароходе. Вот это мне очень сильно запомнилось. Пароход уже отплывал, а нас половина уже была на пароходе, а половина — здесь. И мы прыгали через эту прогалину! Ну, мама, конечно, очень сильная была женщина, такая очень энергичная, сильная. У нее никаких сомнений не было. Она не знала никаких преград, не боялась, что не сможет преодолеть что-то. Мне кажется, что моя сестра тоже такая. Вот я как-то больше сомневаюсь, у меня больше папины какие-то черты. Вот это я только и помню про войну.

Н.В.: Вам сколько лет было тогда?

Н.Р.: Мне было, я думаю, что...

Н.В.: Лет 10?

Н.Р.: Меньше. Да, наверное, 8 или 9, вот так. И что же тут особенного? Война и есть война. Потом, помню как Победа пришла. Но все это как-то смазано, я бы так сказала, сегодня уже все смазано. Я не знаю, почему. Наверное, это просто очень далеко по времени. Ну, а потом я поступила в университет.

Н.В.: А в школу вы где пошли?

Н.Р.: В школу? Начала-то там, в Сталинграде.

Н.В.: В Сталинграде, да? Пошли в 1-й класс?

Н.Р.: Да, да. Но, по-моему, я не ходила в 1-й класс, вот так было.

” Мама очень мне всегда помогала в жизни. Вот она считала, что я должна учиться. Они меня в семье называли «старушка»: я все знала, всем интересовалась.

Н.В.: А в чем она помогала?

Н.Р.: Она читать меня приучала, чтобы было много книг вокруг меня, чтобы я в школу не просто ходила,

чтобы там был интерес к обучению. Вот так мы жили! И, в общем, я считаю, что она достигла этого.

Н.В.: Да, удивительно, что не папа этим занимался, инженер, а мама.

Н.Р.: Нет, папа работал.

Н.В.: То есть мама ценила образование?

Н.Р.: Да, она ценила, она образование очень ценила и, в общем, как-то понимала, что это важно.

Н.В.: И она вам книжки покупала?

Н.Р.: Да, книги, вокруг меня всегда были книги!

Н.В.: А вы чем интересовались в детстве?

Н.Р.: В детстве... Во-первых, с музыкой все было связано. Я пела и любила петь. Это от папиной семьи: они все пели, все шесть детей, все пели. И я очень любила петь! Я и танцевала. Мама меня отдала в балетную школу (*смеется*). Но, по-моему, тогда мы уже уехали из Сталинграда.

Н.В.: А в какой город вы уехали? Я пропустила.

Н.Р.: В какой город? Я уже сейчас не помню. Казань, кажется.

Н.В.: А, ну да, по Волге уезжали.

Н.Р.: Да, по Волге плыли на пароходе. Ну, вот, в общем, и все.

Н.В.: А пели в семье просто так, да?

Н.Р.: Да, я любила петь, вообще, пела и одна дома, и там, где пели. Да, в школе, когда ставили какие-то пьесы, я там играла. Уже артистка! Очень смешно, да?

Гроб разбился. Дева вдруг

Ожила. Глядит вокруг

Изумленными глазами,

И, качаясь над цепями,

Вдруг вздохнув, произнесла:

«Ах, как долго я спала!»

Вот это вот, пушкинское, помню. Но война есть война... Потом я поехала учиться в Москву.

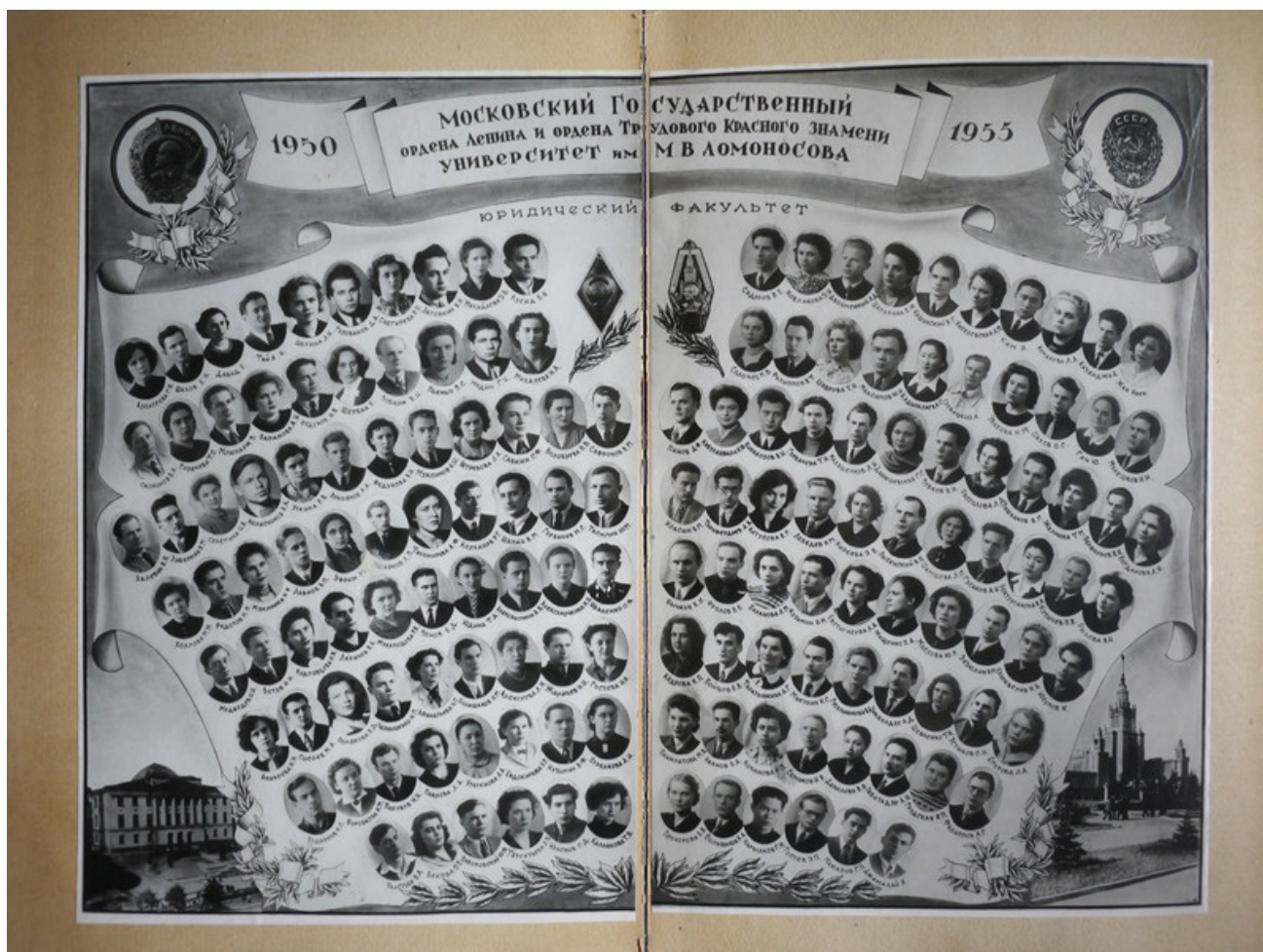
Н.В.: А вы каких-то школьных учителей помните?

Н.Р.: Да, можно сказать, помню. Просто фотографии есть. Вот когда на них начинаешь смотреть, вспоминаешь.

Н.В.: То есть каких-то сильных впечатлений никто не оставил?

Н.Р.: Нет, особенно ничего.

Юридический факультет МГУ, выпуск 1955

Учеба в Московском университете

Н.В.: А у вас в школе какой-то был любимый предмет? Вы гуманитарием были?

Н.Р.: Нет, знаешь, я тебе скажу, что я была скорее технарём. Технические предметы мне нравились. Я очень любила физику. По-моему, это было связано с учителем физики. Я помню, что однажды я как-то так очень старалась, и он мне поставил «6», не «5», а «6». Я думала, что буду физиком (*смеется*). Да, в общем, не знаю, как все это произошло, но я не стала физиком. Уехала и поступила в университет, на юридический факультет. Я же училась в одной группе с Горбачевым.

Н.В.: Потрясающе!

Н.Р.: Да-да.

Н.В.: А почему юридический? Как вы выбирали?

Н.Р.: Даже не знаю, почему я пошла на юридический факультет. Короче говоря, я поступила и там училась.

Н.В.: А вы с Горбачевым дружили?

Н.Р.: Да! Даже очень. В одной группе учились! То есть не на курсе даже, а в одной группе.

Н.В.: Он тогда на вас произвел впечатление?

Н.Р.: Нет. Я звала его «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» Я же петь любила и вот пела.

Н.В.: А вы в общежитии тоже вместе жили?

Н.Р.: Нет, я жила в общежитии уже в новом здании. Там в основном наши жили, но часть жила в старом. Но я снимала у своих друзей угол.

Н.В.: Как трудно было тогда учиться?

Н.Р.: Особых трудностей в студенческие годы я, мне кажется, не переживала. Не знаю. Как-то все это было обычно.

Н.В.: А вам родители помогали?

Н.Р.: Родители помогали. Да-да, помогали.

Н.В.: Вы про университет немного расскажите! А то вы так быстро проскочили.

Н.Р.: Вообще, я тебе скажу, что тогда юристы — это не очень была модная специальность.

Н.В.: Да? Вот я как раз хотела спросить, почему вы пошли на юридический?

Н.Р.: Не знаю. Не знаю, почему.

Н.В.: А вы думали, где вы будете работать, когда поступали на юридический?

Н.Р.: Нет.

Н.В.: Просто хотели высшее образование получить?

Н.Р.: Да, интересно было, наверное. Я не знаю, может быть, чтение каких-то книг меня туда толкало. Не знаю, сейчас трудно сказать.

Н.В.: А сильный был тогда сам университет?

Н.Р.: Поток?

Н.В.: Поток. Вообще, интересно было учиться?

Н.Р.: Вот у нас поток делился на две части: одна часть — это бывшие фронтовики, а вторая — школьники. Вот и я. Я же с медалью школу окончила. В общем, не знаю, почему-то вот пошла на юридический, и все.

Н.В.: А вы могли в те годы на любой с медалью поступить? На любой факультет?

Н.Р.: Может быть. Знаешь, я даже никогда не задумывалась, почему так произошло.

Да, вот наш поток, наши фронтовики. Они держались как-то вместе, эти бывшие фронтовики. В нашей группе тоже были: вот Володя Либерман, Топилин. Все это у меня есть, есть же фотографии. И Миша [Горбачев] тоже в нашей группе был. Но потом с 3-го курса все разделились.

Н.В.: По специальности?

Н.Р.: По специализации, да. Я пошла на уголовный процесс (*смеется*). В прокуратуру. Я знаю, что Горбачев пошел на государственное управление.

Н.В.: А он уже проявлял тогда себя как-то?

Н.Р.: Не знаю. Я должна сказать, что он во мне не вызывал никакого интереса, поэтому я даже особенно не следила, где там, что и как. Но я знаю, что вот с 3-го курса он уже был в другой группе. Первая, вторая...

Н.В.: Когда вы все вместе еще учились.

Н.Р.: Нет, 1-й, 2-й, 3-й — это еще курс начальный, начало. Там какая-то была более или менее общая

программа. Я запомнила его, поскольку у нас был марксизм-ленинизм, и была такая преподавательница, которая вела семинары. Очень нервная какая-то вся. Приходила и говорила: «Ну, сегодня мы такую тему проходим. Кто у вас готов отвечать? Ну ладно, давай, Горбачев, ты!» И ставила какой-нибудь вопрос: «Как ты к этому относишься?» Он вставал и говорил: «Каждый вопрос надо рассмотреть с двух сторон: вот если так посмотреть, то будет это, а если так — будет совершенно по-другому...» А я должна была обязательно корректировать, должна была поправлять, вообще во все влезала и ужасно любила смеяться. Вот мне смешно было.

” Эта жизнь для меня была какой-то смешной. Я даже сейчас вспоминаю, как на комсомольском собрании обсуждали, что Наташа слишком много смеется.

У меня тогда другая фамилия была.

Н.В.: А какая у вас была фамилия?

Н.Р.: Фамилия у меня была Боровкова. Я смеялась, а мне говорили: «Очень это неправильно, там серьезные вещи, а ты...» Конечно, тогда это все я воспринимала за чистую монету.

Н.В.: А вас втягивали в какую-либо комсомольскую деятельность?

Н.Р.: Я помню, что я была пропагандистом, значит, агитатором. Я не знаю, при тебе были агитаторы?

Н.В.: Нет, по-моему, уже не было.

Н.Р.: Не было. А у нас это было. Агитатор. Когда были выборы, мы ходили по квартирам.

Н.В.: А, когда выборы, мы тоже ходили по квартирам. Да, агитаторы.

Н.Р.: Вот это я помню хорошо. Мы лекции читали и все такое.

Распределение и учеба в Финансовом институте

Н.В.: Да, ходили перед выборами все студенты. А когда заканчивалось обучение, то было распределение. Очень сложное, поскольку юристов было перепроизводство. И у нас такая ситуация была... Нам предложили перейти в экономисты.

Н.В.: А как? То есть второе образование получить?

Н.Р.: Да. Так было.

Н.В.: Потому что не могли найти вам работу, не было работы?

Н.Р.: Видимо, да. Я думаю, что так. Как-то нас там группировали, в общем, решали. А мне, между прочим, предложили быть судьей в Калинин. [Ныне] Тверь, да?

Н.В.: Да.

Н.Р.: Вот, а я отказалась, потому что я должна была выйти замуж. Хотя муж мой, будущий муж, был из Твери, и я сначала согласилась. А потом, когда до дела дошло, когда уже заканчивался 5-й курс, я сказала: «Я не могу уезжать, потому что я выхожу замуж».

Н.В.: Это еще до защиты диплома, да? До получения диплома?

Н.Р.: Наверное. Диплом еще, наверное, я не получила, потому что распределяли раньше получения диплома. Да и я, отказавшись от Твери, попала с какой-то группой в экономисты и оказалась

в Финансовом институте. Сейчас это известная Финансовая академия.

Фотография, сделанная по случаю окончания университета. Второй справа – М.С. Горбачев

Н.В.: Да.

Н.Р.: Вот этот институт в конечном счете и превратился в эту Финансовую академию.

Н.В.: То есть вы сразу, просто непрерывно стали получать второе образование?

Н.Р.: Да-да. Финансовое образование.

Н.В.: А вас это не смутило? Финансы...

Н.Р.: Нет, совершенно. Я пошла на финансы. Мне очень понравилось: статистика, все эти цифры там, финансы.

Н.В.: И вас взяли на 1-й курс или на какой-то другой, уже повыше?

Н.Р.: Какой-то другой, 2-й или 3-й. Я уж сейчас точно не помню.

Н.В.: То есть вы же уже сдали там часть предметов.

Н.Р.: Да.

Н.В.: Наталья Михайловна, а можно я вас на минутку верну к Горбачеву. Просто мне самой интересно.

Н.Р.: Да.

Н.В.: Когда я была на конференции в Стокгольме, как раз посвященной Горбачеву, его юбилею, то там рассказывали, что его рекомендовал международному сообществу и просил, чтобы его поддерживали и продвигали в секретари ЦК[КПСС], какой-то соученик ваш по университету, который с ним жил в общежитии.

Н.Р.: Ну там несколько человек с ним жило. Я не знаю, может быть, это Топилин был.

Н.В.: Говорили, что какой-то чех с ним жил чуть ли не в одной комнате.

Н.Р.: А! Так это я все знаю, эту историю. Это — Зденек Млынарж. И мы с ним вот эти первые курсы были в одной группе.

Н.В.: То есть Млынарж тоже с вами в одной группе был?

Н.Р.: Да! Там была такая квадратная аудитория, и вот так стояли столы, а один стол стоял вот так, вдоль окна (*показывает*). И мы всегда там сидели: я, Млынарж и Горбачев. Вот за этим длинным столом поперек. Ну и потом мы, в общем, дружили. Еще сюда он приезжал, Млынарж, вот в эту квартиру. А я, когда бывала там в Чехословакии, видела его.

Н.В.: А как вы к нему относились? Все-таки западный человек.

Н.Р.: Какой западный?

Н.В.: Ну, пока вы учились...

Н.Р.: Да нормально относились! У нас несколько иностранцев на курсе было. Один был болгарин, чех был, монгол был. В общем, несколько человек. И мы не понимали, что это такое — иностранцы. Никак не относились. Обычно. Вместе жили в общежитии.

Ну вот, группа была, несколько человек, наверное, человек десять ребят, которые пришли после фронта. А Горбачев, он просто на год старше меня. И просто жил в том же общежитии с ними. Он же был знатный комбайнер!

Н.В.: Ну да, да. Это мы все знаем.

Н.Р.: Ужасно мне это было смешно. Вот это именно было смешно, что он знатный комбайнер.

” «Мишка, Мишка, где твоя улыбка» и «знатный комбайнер» — эти две присказки всегда к нему относились.

А потом с 4-го курса, когда специализация началась, он ушел на государственное право, а я ушла в уголовное право. Вот так мы все разделились. А потом меня, я уже говорила, судьей рекомендовали, и я согласилась и сказала даже, что мне подходит Тверь, поскольку муж там был и родственники. А потом все это поломалось, и я пошла учиться в Финансовый институт. И очень увлеклась. А там был такой преподаватель один — армянин из Армении. Я ему показалась очень заинтересованной студенткой: я сидела всегда за 1-м столом, внимательно слушала. Потом у нас там зав.кафедрой был такой профессор Маслов.

Н.В.: Известный статистик?

Н.Р.: Да. И его отец был известный экономист. Как будто бы его работой интересовался Ленин, поэтому все знали: Маслов, Маслов. А наш Маслов был очень интересный. Он был абсолютно необыкновенный человек. Его сын — тоже академик, тоже известный. То ли математик, то ли физик.

Н.В.: Математик, по-моему.

Работа в Институте труда

Н.Р.: У нас довольно интересные были лекции. Вообще, курс статистики у меня вызывал очень большой интерес, потому что Маслов перевел лучшие книги по статистике. Я не помню, по-моему, с английского перевел, и, в общем, все зачитывались, кому представлялась эта наука интересной. Я так и пошла по этому пути. Вот, закончила институт. И Карапетян (я о нем говорила) хотел, чтобы я с ним работала. А он работал в то время в Институте труда. И он постарался, чтобы меня взяли в этот институт.

Н.В.: То есть он преподавал и работал в институте?

Н.Р.: Он преподавал и там работал. И Маслов там, кстати, работал.

Н.В.: Тоже в Институте труда?

Н.Р.: В Институте труда, да.

Н.В.: То есть это было сильное направление?

Н.Р.: Сильное направление, да. А я уже родила тогда, уже в то время, пока училась.

Н.В.: Да, близнецов?

Н.Р.: Да-да, так и было. И когда Карапетян стал меня устраивать, то (я это помню, сильное впечатление было) кадровик говорит: «Ну, что это? У нее двое детей маленьких. И что мы ее возьмем? Зачем?» Тот стал уговаривать: «Ну, она же способная». Словом, что-то такое стал говорить. И я помню, что они меня взяли на самую маленькую должность, да еще и на половинку. Помню, что моя зарплата была 45 рублей. Даже если и была ставка 90, меня взяли на 45. Потом я вообще-то там быстро сделала карьеру.

Н.В.: А вы так с Карапетяном и работали?

Н.Р.: Да-да.

Н.В.: А первая тема у вас какая была?

Н.Р.: Первая тема у меня та, по которой я работала с ним еще до Института труда, когда я еще училась.

Н.В.: Для диплома?

Н.Р.: Да. Я помню, мы с ним даже написали какую-то статью совместную. Это связано было с работой станков на ткацком предприятии. Это я помню.

Н.В.: Производительность труда?

Н.Р.: Да, что-то такое. Какая-то статья у меня есть с ним про это. А потом я пошла работать. Он сразу меня вовлек в работу, увлек, и я стала заниматься доходами. Зарплаты и доходы рабочих семей, что-то в этом роде. Но я была очень энергичная в то время. Не то, что сейчас (*смеется*).

Н.В.: Вы и сейчас энергичная.

Н.Р.: Да, в общем, там я и работала. Этот институт был при Комитете по труду (типа министерства).

Н.В.: Институт отраслевой, так это называлось?

Н.Р.: Отраслевой, да.

Н.В.: А как начальство отраслевое? Оно вас как-то контролировало? Вы по заказу министерскому работали?

Н.Р.: В основном да, по заказам этого Комитета по труду. А потом комитет превратился в Министерство труда.

Н.В.: И вы свои работы туда отдавали?

Н.Р.: Да. Я довольно быстро написала, защитила кандидатскую диссертацию.

Н.В.: А кто же у вас с детьми сидел?

Н.Р.: Мама. Мама сидела с моими детьми, потом вот еще сестра немного. Но сестра училась. А мама помогала мне.

Н.М. Римашевская в девичестве была Боровкова

Н.В.: А вы еще тогда все вместе жили, большой семьей?

Н.Р.: Ой, мы там очень сложно жили: и вместе, и врозь. Поскольку двое детей, а я работала, мама каждый день приезжала, но жила в другом месте. Короче, про диссертацию. В этом Комитете по труду в сводном отделе работал будущий академик Аганбеян.

Н.В.: Он еще не был академиком?

Н.Р.: Не был, он был просто старшим экономистом. И вот он приходил к нам в институт, рассказывал какие-то свои мысли. Потом говорит: «Наташа, ты должна написать кандидатскую диссертацию! Ты пиши каждый день по 3 страницы и за 30 дней ты напишешь!» Так это смешно уже сейчас.

Н.В.: Я помню, в ЦЭМИ говорили, что вы ученица Аганбеяна.

Н.Р.: Да. Так оно и было. Это было связано еще и с тем, что Карапетян уехал в Ереван. Он же тут временно жил. А наша лаборатория так и осталась в институте и была связана с Комитетом по труду. Там, в комитете тогда работали Аганбегян, Майер. Не знаю, наверное, уже сейчас его и не знают.

Н.В.: Ну, как же, Майер! Помню прекрасно.

Н.Р.: Да. Майер, Ланцев, который занимался пенсиями. Вот такое трио: Майер, Ланцев и Аганбегян.

Н.В.: То есть уже очень сильные специалисты, уже продвинутые в то время.

Н.Р.: Да.

Н.В.: Продвинутое направление. А на вас давили как-нибудь из этого комитета?

Н.Р.: Нет, нет.

Н.В.: То есть вы себя свободно чувствовали?

Н.Р.: Да.

О статистических данных и дифференциации доходов в СССР

Н.В.: Вам не надо было как-то свои результаты подгонять?

Н.Р.: Единственное, что было плохо в то время, это то, что и доходы, и зарплаты — это все было закрыто.

Н.В.: Понимаю, данные закрыты были.

Н.Р.: Это все секретно было. Но в общем, мы как-то умудрялись обходиться. И вот первая книга, которую я издала уже со своей сотрудницей, трудно проходила через Главлит.

Н.В.: Это еще там в комитете? В Институте труда?

Н.Р.: Да, я еще там была.

Н.В.: А вы написали первую книжку как раз по доходам?

Н.Р.: Да, дифференциация доходов. Сейчас уже никто этого не помнит.

Н.В.: Как? Почему? Помнят.

Н.Р.: Да? Ну, в общем, очень мало... Поскольку не было статистики открытой, а была только закрытая, и мы имели доступ к ней, мы этим и занимались. Но даже мало было тех специалистов, кто занимался социальными проблемами. Никто не занимался, вообще говоря. Вот только в этом институте — Институте труда. Защитилась я, конечно, потом эти книги опубликовала. Первая книжка у меня была по моей кандидатской диссертации. А потом уже вышла книга со своей коллегой, с которой мы вместе работали.

Н.В.: А вот дифференциация доходов, это же такая важная тема...

Н.Р.: Да, но она была, поскольку не было статистики, как бы закрытая тема. Даже докторская у меня была с грифом, потому что статистика была закрытой.

Н.В.: А как вы это объясняете? Чего они боялись? Что люди будут знать, какая у нас дифференциация? Боялись раскрыть какие-то экономические секреты?

Н.Р.: Я не могу этого объяснить. Это не поддается разумному объяснению. Я, уже будучи заведующей лабораторией в этом институте, много раз писала записки в отдел пропаганды и в отдел науки.

Н.В.: Отдел науки ЦК?

Н.Р.: ЦК, да.

Писала о том, что надо открыть эти данные, потому что мы здесь хорошо выгядим. У нас же маленькая дифференциация была. Даже была такая тенденция — все время снижать разрыв в доходах.

Н.В.: А вы помните, какой тогда была уровень дифференциации?

Н.Р.: Я просто знаю! Примерно это было... Сейчас скажу... Разрыв был 2–3, от двух до трех раз, а сейчас — 17.

Н.В.: И это только официально.

Н.Р.: Да. Так что это я все помню.

Н.В.: А вы учитывали что-то кроме доходов, все эти блага?

Н.Р.: А что? Какие там блага были? Ерунда там, все это! Сейчас это говорят...

Н.В.: У узкой группы это было.

Н.Р.: Конечно, там кое-что было, но это очень незначительно. Тогда преимущество тех, кто работал в Отделе пропаганды в ЦК, было очень несущественно, я бы так сказала. Конечно, проблемы различий, которые были тогда и сегодня — это невозможно даже сравнивать... Были, конечно, различия, но очень маленькие, я бы так сказала. И делалось все, чтобы эти различия уменьшить, чтобы, так сказать, выровнять. Хотя понятно, что это невозможно. Да, потом Аганбегян переехал.

О работе в ЦЭМИ и научных проектах

Н.В.: В Новосибирск уже, да?

Н.Р.: В Новосибирск. Он меня очень звал туда, в Новосибирск. Но у меня двое детей, муж. Муж работал в МИФИ. Аганбегян в один прекрасный день, где-то на майские, по-моему, праздники, пришел и говорит: «Вот тебе два билета на самолет туда и обратно. Прилетайте туда, и пусть муж там, — поскольку там была кафедра, связанная с тематикой, по которой работал муж, — с ними поговорит. Может быть, заведующий кафедрой его возьмет, тогда вы сможете переехать». Мы действительно полетели туда.

Н.В.: В Академгородок?

Н.Р.: В Академгородок. Там уже Можин работал. Мы там были 2–3 дня, кажется... Но с мужем ничего не получилось. Оказывается, так получилось, что руководитель кафедры в Новосибирске и научный руководитель мужа не совмещались, мягко говоря. В общем, муж не смог там остаться. И мы улетели. И так я не оказалась в Новосибирске, в Академгородке. Но они все равно меня оттуда хотели забрать. И приходили ко мне. А уже ЦЭМИ создавался в это время. Там Федоренко стал директором. И там не было социального блока. И Федоренко звонит мне и говорит: «Наталья Михайловна, ну приходите к нам!» А я в это время начинала организовывать «Таганрог»*.

* «Таганрог» – многолетний комплексный проект по изучению семейного благосостояния, условий, уровня, образа и качества жизни городского населения России на примере Таганрога.

Н.В.: Еще там, в Институте труда? Первый «Таганрог», да?

Н.Р.: Это было как раз, когда я переходила в ЦЭМИ.

Н.В.: Так вы начали «Таганрог» в Институте труда организовывать?

Н.Р.: Ну да, там мне даже легче было, поскольку я там контакт имела с отделом пропаганды ЦК.

Н.В.: А первый «Таганрог» должен был быть по доходам, я не помню?

Н.Р.: Нет, там все.

Н.В.: Все?

Н.Р.: Да, там все было: и доходы, и семья, и образование.

Н.В.: То есть вы уже от доходов перешли к общему уровню жизни?

Н.Р.: Да, к уровню жизни, к качеству, к образу жизни — в общем, все параметры.

Но кто-то меня еще сманивал? А, Осипов, вот есть такой Осипов.

Н.В.: Институт социологии?

Н.Р.: Да-да. Вот он. Я ему какие-то свои работы дала, он заинтересовался. А он организовывал в это время институт. Не помню, как он меня тогда называл: «Переходите ко мне!» Но я сказала, что социология — это, конечно, интересно, но я все-таки работаю в экономике и не совсем этими, а в каком-то смысле другими проблемами занимаюсь.

Н.В.: А как вы пришли от доходов к качеству жизни, к образу жизни? Логика исследований вас привела или заказ такой был?

Н.Р.: Нет, логика исследования. Кто мог мне что-то заказать? Все-таки люди, которые работают даже в отделе науки ЦК, у них же широкая амплитуда, все это знали поверхностно. То, что мы глубоко исследовали. И я поэтому, в общем-то, сама решала. Это логика исследования подсказывала, что доходы — это, конечно, очень важно. Но наиболее существенным видом дохода была заработная плата: от этого зависело, как люди живут. Кандидатская диссертация у меня была по дифференциации доходов семей рабочих и служащих. И я понимала, что все это связано: одно тянет другое. И когда я это все сообразила, вот тогда и появился «Таганрог». Он еще появился и потому, что нам перестали давать статистику, все закрыли напроочь.

Н.В.: И вы решили просто сделать свои собственные обследования на базе Таганрога? Выборку свою?

Н.Р.: Да, свою выборку, все свое! Мы там все обосновали, все продумали.

Н.В.: А как вы выбрали именно Таганрог? Как вы к нему пришли?

Н.Р.: Это отдел пропаганды ЦК. Выбор Таганрога был, собственно, без меня, и там уже начинали... Я пришла на выбранный объект.

Н.В.: То есть все-таки отдел пропаганды вашу работу отслеживал и направлял? Это потому что такая важная тематика? Связана с людьми?

Н.Р.: Он, с одной стороны, отслеживал, а с другой стороны, ему нужны были эти данные.

” **Статистика государственная не давала им того, что нужно было. А мы давали то, что им даже и не снилось!**

Н.В.: А что им нужно было?

Н.Р.: Ну, как люди живут!

Н.В.: Реально, да?

Н.Р.: Реально. Как живут люди реально. Кто бедный, кто богатый? Хотя слова «бедность» не было

в то время. Это был запретный плод. Просто, кто живет хуже, кто живет лучше, какие факты. В общем, то, что все сейчас делают, думая, что они открывают что-то новое. Все это давно нами было сделано.

Н.В.: Простите, я вас перебиваю. У нас одна аспирантка в институте выступала с докладом по качеству жизни и сказала, что она первая: до нее никто качество жизни не исследовал, а исследовали только уровень жизни, а это разные понятия.

Н.Р. (смеется): Ну да, да, да.

Н.В.: А я говорю: «А как же институт Римашевской?» — «Нет, — говорит, — не было таких работ». Видите, как интересно!

Н.Р.: Дело в том, что, с одной стороны, то, что мы делали, в значительной мере было закрыто, поэтому это не вышло из наших стен, так сказать, не стало достоянием широкой научной общественности и так далее. Это стало доступно, лишь когда я организовала уже свой институт.

Н.В.: Но вернемся к вашему переходу в ЦЭМИ.

Н.Р.: Да, я перешла в ЦЭМИ к Федоренко. Федоренко очень ко мне хорошо относился. Давайте, работайте... Еще Гаврилец у меня работал. То есть все, кто был причастен к социальным проблемам, были в моем окружении.

Н.В.: А вы сразу получили лабораторию? Или отдел?

Н.Р.: Сначала была лаборатория. Я не помню уже, как там она называлась.

Н.В.: Наталья Михайловна, простите, а вот как так получилось интересно, что когда вы начинали, был Майер, был Аганбегян, Карапетян, которые занимались этой тематикой, а вот чем дальше, тем больше эта область становилась абсолютно женской? Как вы считаете, это вообще женская тематика? Нет?

Н.Р.: Не знаю, наверное... Но они же все ушли в другие места. Майер стал заместителем директора госплановского института, тематика у него стала шире. Аганбегян вообще уехал в Сибирь.

Н.В.: Но вы согласны, что социальная тематика традиционно теперь считается женской?

Н.Р.: Можно сказать, да.

Н.В.: Что это интересует только женщин?

Н.Р.: Ну, отчасти, да. Я думаю, что это отчасти связано с тем, что государство, власти всегда уделяли мало внимания этим проблемам. И поэтому даже вовлечение занятых в эту область не представляло интереса для них. Ну, придут — придут, чего-то там сделают — сделают. Не сделают — мы сами придумаем.

” **Никогда социальная проблематика не была актуальной, особенной, важной. Власти не волновались, что там на самом деле. Они вот знали одно — надо всех выравнять, и все. И никуда люди не денутся, потому что мы им не скажем, как живут люди в других странах.**

Н.В.: А выравняли только по зарплате или выравняли по регионам?

Н.Р.: Все было! У нас был даже такой международный проект. Вообще, я же очень много сделала проектов. Мне даже самой странно, что я столько сделала проектов, столько реализовала. В общем, проект был такой международный, назывался «Запад-Восток».

Н.В.: Это в какие годы?

Н.Р.: Это было до 80-го.

Н.В.: То есть в советское время?

Н.Р.: Да, в советское.

Н.В.: А как у нас тогда с Западом было? Какие отношения?

Н.Р.: Очень мы рисковали [с этим проектом], но в основном это заслуга Шаталина была. Он вообще рисковый был человек, и он преодолевал все эти [барьеры], цензуру. Как мог, где-то там с кем-то... В общем, как-то он это умел, а мы делали дело.

Н.В.: И вы реально с западными учеными общались?

Н.Р.: Да.

Н.В.: Ездили туда?

Н.Р.: Ездили. У нас был центр, где начинался этот проект «Запад-Восток», это было в Вене. Был в Вене такой центр, куда стекались различные исследования, проводимые совместно, то есть западные и восточные. Мы исследовали различия, исследовали, какую роль в этом играли общественные блага. И даже более того. Вот теперь говорят: рынок, рынок. Мы смотрели, как он действовал. Тогда у нас же вообще не было слова «рынок». «Спрос», «рынок» — это не было в ходу. Но мы все-таки общались с западными учеными. Они задавали какие-то вопросы, мы им задавали вопросы. В общем, этот проект касался потребления на Западе и Востоке в широком плане: не только за деньги, но и, так сказать, безденежное, неоплачиваемое потребление. У нас же много было бесплатных благ. У них там были тоже, но меньше. Короче говоря, мы этот проект делали, он довольно долго продолжался. У нас там с Запада была руководителем одна итальянка, а с Востока был Шаталин. Но у нас на Востоке-то были не только СССР, а вот Германия Восточная.... Да, Германия — немцы. Потом кто еще был? Поляки, венгры, восточные немцы, мы. В общем, у нас была широкая группа. А там были только итальянцы, швейцарцы и англичане. Там три всего страны было. Ну, все-таки мы лет пять проект этот делали.

Н.В.: А как вы с языком справлялись?

Н.Р.: Нам переводили, там переводчик был.

Н.В.: Тогда же ведь практически никто языков не знал.

Н.Р.: Да, мало кто знал. Из наших вообще никто почти не знал.

Н.В.: Наталья Михайловна, а вот когда вы с ними общались, вы чувствовали, что у нас другое образование экономическое, другой бэкграунд, как теперь говорят.

Н.Р.: Нет.

Н.В.: Нет?

Н.Р.: Нет. Конечно, нам было нелегко понять друг друга, потому что терминология [была разная].

Н.В.: Да-да.

Н.Р.: Да, содержание различных терминов. Но желание имело решающее значение, чтобы понять и получить какой-то результат. Все-таки нас всегда интересовало «кому живется весело, вольготно на Руси?» А тогда, конечно, для меня было любопытно в этом проекте, а как у них. Я тогда поняла, как они живут, кто живет бедно, кто богато. И, в общем, оказалось, все то же самое, что у нас, но на другом уровне.

Н.В.: И почему, да?

Н.Р.: И почему, вообще говоря.

И вот тогда вся эта пелена, что они там живут ох как, а мы неизвестно как, исчезла. Потому что мы бывали в семьях таких же научных работников, как и мы. И я поняла, что они живут тоже с различными проблемами, с семейными проблемами и так далее.

Самое главное, что мы в разных городах бывали. И вообще, очень мощный был проект. Но как Шаталин его протащил через...

Н.В.: Через ЦК нужно было?

Н.Р.: Да. Через все эти... Цензуру, Главлит, отделы ЦК. Это, конечно, надо отдать ему должное. Новсе-таки это история. Мы тогда некоторые вещи узнали. Вот мы, например, узнали, какова общая совокупность потребляемых благ в СССР и там. В том смысле, что у них платное и бесплатное, что у нас. У нас бесплатного намного больше, а у них платного.

Н.В.: И что получилось?

Н.Р.: Сейчас я расскажу. С Инной Корховой мы это делали. Мы назвали это «расширенное потребление». Сейчас это уже все не нужно. Когда пришел рынок, то все рынок. Но тогда получилось, что, конечно, у нас потребление было в среднем ниже. Но, во-первых, несущественно. И, во-вторых, если у них было выше (вот как сейчас у нас говорят «высокое потребление»), то за счет того, что там дифференциация была сильнее, а у нас фактически почти не было дифференциации. Так можно сказать, если грубо говорить. Поэтому в каком-то смысле мы жили не хуже. Хотя ведь очень многое зависит не только от количества потребляемых благ или услуг, а зависит от их качества. Вообще, от качества. У нас, конечно, было совсем другое качество. Почему мы там все бегали по магазинам, почему нам нужны были эти западные джинсы или что-то такое? Потому что наши были никакие. А там — хоть какие-то. Так что в общем этот проект, я считаю, очень многое дал нам. Но мы почти ничего не опубликовали на русском, кроме двух-трех статей. Вот я с Шаталиным, с Инной, вот эти.

Н.В.: А как власти отреагировали на ваши результаты?

Н.Р.: Сделали вид, что они не знают, не видели и не знают.

Н.В.: То есть никакой реакции не было?

Н.Р.: Хотя я тогда всем им доказывала, что мы живем не хуже, просто у нас качество другое. Никакое.

Н.В.: То есть не хуже количественно, но хуже качественно?

Н.Р.: Не хуже количественно, но значительно хуже качественно. Но [власти] было это не важно. Когда я приходила к ним, им приносила [результаты]: «Откройте!» Но самое интересное, конечно, для меня было, когда я первый раз получила сборник, где были опубликованы ряды распределения населения по доходам и по зарплате. Когда мне принесли его, а я уже была директором института, я говорю: «Не может этого быть, чтобы это все было на самом деле! Как? Это все опубликовали?! Ущипните меня».

Н.В.: Это в каком году?

Н.Р.: Это было как раз в год основания института, в 89-м, по-моему.

Н.В.: В 89-м? Написано, что вы создали институт в 1988 году. Вы потом еще расскажете немного о создании института.

Н.Р.: Я не верила до последнего, [что опубликуют]. Потому что мы все скрывали. Даже вот эта книжка, которая тоже была очень любопытна. Та, что с коллегой написана. Вот это 1-я работа по дифференциации заработной платы и доходов, которую мы опубликовали. Поскольку мы там не могли давать открыто

всю информацию (цифры были закрыты), мы графики давали без обозначения координат (*смеется*). Потом, когда я приехала в Англию и общалась с англичанами, они никак не могли понять, почему же мы координаты не проставили (*смеется*). А мы не могли! Они думали, что мы такие дурачки. Но потом какая-то была статья, где промелькнули цифры, и они увидели это. Дело в том, что мы там использовали такие модели, которые позволяли расшифровать это все.

Н.В.: То есть вам приходилось вот так исхитряться.

Н.Р.: Абсолютно. И самое главное, все это по-глупому. Не надо было этого делать, потому что мы жили в каком-то смысле не хуже. Ну, неважно. Теперь это уже неважно.

Н.В.: А кто тогда вам дал эти данные, кто сделал эти распределения по доходам?

Н.Р.: Сборник? Это социологи, это уже было напечатано. И мне 2 или 3 экземпляра прислали. И я, вообще, не могла очень долго поверить своим глазам.

О М.С. Гробачеве и его жене

Н.В.: А когда это произошло? Кто нажал, кто это разрешил?

Н.Р.: Я не знаю. Но это же был 89-й год. Это же уже был Горбачев, это уже была перестройка.

” Вся эта история с Горбачевым и перестройкой, вот это все было тоже для меня очень смешно. Я все время не верила, что это Горбачев, с которым мы сидели в одной комнате, что он президент.

Нет, он же был тогда первый секретарь. Генеральный секретарь или первый? Ну, неважно.

Н.В.: А вы могли ему написать какую-то записку, пользуясь своим знакомством?

Н.Р.: Нет, думаю, что нет. Он собирал все время науку... Нет, не все время, но один раз, я знаю точно, собирал. И, видимо, он узнал про меня и сказал, чтобы позвали Римашевскую, чтобы она была на том совещании. И когда было это совещание, он меня подозвал, я подошла туда к нему, стали разговаривать в перерыве. Я говорю, мол, как и что. Он сказал: «Ты себе не представляешь, как тяжело! Раиса мне говорит — откажись. Но кто это может отказаться? Один день — это десять лет жизни». Как-то так он все это рассказывал.

Н.В.: То есть с самого начала он понимал...

Н.Р.: Это был 89-й год или 90-й, в общем, самое-самое.

Н.В.: А как вы думаете, Наталья Михайловна, он вообще-то соответствовал этой должности по своему потенциалу?

Н.Р.: Вообще говоря, у него, конечно, потенциал и до сих пор, мне кажется, большой потенциал. Но, с моей точки зрения, может быть, я ошибаюсь здесь, но она [Раиса Максимовна] сильнее была в этой паре. Она была сильнее. Я, конечно, с ней более-менее общалась уже когда они приехали после всех этих дел, когда Ельцин уже захватил власть. Она пыталась какие-то дела делать в гендере. А так у нас с ней хорошие были отношения. И даже (почти что перед своей болезнью) она сказала мне: «Ты себе не представляешь, как он к тебе относится». А я говорю: «Почему не представляю? Представляю».

Н.В.: То есть все эти разговоры, обывательские слухи о том, что она во многом им руководила, соответствуют на ваш взгляд?

Н.Р.: Ведь вот в любой паре, независимо от статуса, есть одна сторона более сильная, другая слабее.

Бывает, конечно, что они поближе, бывает еще дальше. Но насколько я вот сейчас уже могу судить... Хотя он мне прислал последнюю книгу, которую он написал, ей посвященную. В общем, просил посмотреть, прочитать, позвонить. Но я, конечно, не прочитала и не позвонила.

Н.В.: Почему?

Н.Р.: Ну так, мне трудно читать сейчас. Не знаю, да мне это и не очень интересно. Я скажу, на самом деле я не знаю почему. А потом мне приходится так много читать, понимаешь, так сказать, по обязанностям, что до этого не доходит.

Н.В.: Вы все-таки сконцентрированы на своей работе? Всегда, всю жизнь?

Н.Р.: Да-да, всегда. Ну, вот видишь, я же уже пришла к Горбачеву и к этому институту.

Создание Института социально-экономических проблем народонаселения

Н.В.: Как вообще разрешили создать такой институт? Как это все было? Как вы его организовывали?

Н.Р.: Я сейчас скажу. Когда началась перестройка, произошло довольно сильное «потепление». Конечно, всем стало ясно, что бессмысленно закрывать информацию об уровне потребления и т.д. с точки зрения идеологии перестройки. А там кто был? Кто решал эти вопросы? Саркисян, Можин при Рыжкове. Ну, в каком-то смысле Горбачев.

Н.В.: Можин же был тоже в ЦК где-то?

Н.Р.: Да.

Н.В.: Он был секретарем по науке?

Н.Р.: Мне кажется, он был по экономике. И когда началась перестройка, понятно стало, что социальные проблемы — это важнейший пункт перестройки. Но если все закрыто, то и никаких исследований не могло быть в этой области. И поэтому было ясно, что нужно знать, что происходит вообще в обществе, куда идти, что делать. И было такое постановление Совета министров, ЦК (как всегда это бывало), и там было два пункта, один из которых был связан с организацией этого института, а второй — с организацией Центра Заславской, где она стала начальницей. Как это называется? Центр...

Н.В.: Я не знаю. Как центр назывался? Заславская тогда приехала из Новосибирска?

Н.Р.: Ну да, она сюда приехала.

Н.В.: А они там в Новосибирске тоже ведь занимались социальными проблемами? Заславская, Можин.

Н.Р.: Да, они занимались социальными проблемами. И вот в этом постановлении был пункт об организации... Как это называется? Левада!

Н.В.: А! Центр изучения общественного мнения Левады.

Н.Р.: Да, общественного мнения. Там был как раз пункт, связанный с организацией Центра изучения общественного мнения. Это должно было быть при профсоюзах. Ну и она согласилась. Как раз мы с ней общались...

Н.В.: А что она первая возглавила Центр изучения общественного мнения?

Н.Р.: Да, да.

Н.В.: А Леваду она потом привела к себе?

Н.Р.: Да. Когда мы с ней общались, я говорю: «Тань, бери ты этот институт, это ж твое дело, ты же там все

[знаешь]...» А она говорит: «Нет, нет, я нет».

А в это время Аганбегян был академиком-секретарем отделения экономики. И вот он в один прекрасный день приглашает меня к себе и говорит: «Ну, давай, соглашайся быть директором!» Я сначала сказала: «Ты что? Я же такая скромная и непубличная, мало публичная... Ну ладно, я подумаю». Ну, короче, конечно, я согласилась. Но дело в том, что мы уже провели два «Таганрога» к этому времени.

Н.В.: Это на базе ЦЭМИ провели два «Таганрога», да?

Н.Р.: Да, уже.

Н.В.: Первый был у вас, вы говорили, сразу по всем проблемам, общий такой.

Н.Р.: Ну, он все время был один.

Н.В.: Нет, ведь каждый же был чему-то отдельно посвящен. А второй?

Н.Р.: Там дело, знаешь, в чем: там была основная часть и вспомогательная. Вспомогательная все время менялась, а основная часть — нет. Ну, и все они были связаны с социальной проблематикой.

Да, про организацию института там было написано, в этом постановлении... И мне, конечно, было очень интересно. Мне интересны были эти исследования и вообще эта вся проблематика.

Н.В.: То есть практически вы были обладателями уникальной информации?

Н.Р.: Да, уникальной информации.

Н.В.: Еще же не было всех этих массовых обследований как сейчас.

Н.Р.: Нет. Тогда вообще ничего не было. Только один этот «Таганрог» был.

Н.В.: А вы тогда по 1000 же брали, там, да? По 1000 семей в каждой выборке?

Н.Р.: Нет. Там уже было по 3000.

Н.В.: По 3000?

Н.Р.: Да, вот такие мощные исследования проводили. Ну и я, в общем, дала согласие, и пошло-поехало. Аганбегян потом ушел через некоторое время, не досидев своего срока, потому что он понимал, что рынок, и надо «быть на рынке». Я так думаю. Они уже потом переехали сюда.

Первые гендерные исследования в России

Н.В.: А у вас не было желания «быть на рынке»?

Н.Р.: Понимаешь, в чем дело, наш продукт не очень рыночный. Кому? Кому он нужен? Много у нас было проектов разных. Ну, вот один (это тот, о котором я рассказывала) — «Запад-Восток». Он был все-таки рыночный, но нам-то платили наши, так сказать, бюджет платил. А в 88-м мы начали проект «Гендер».

Н.В.: В 88-м? Вот, я же говорила, что вы первыми были.

Н.Р.: Конечно. Потому что, по-моему, в Африке было первое большое всемирное совещание женщин. И Наташа Захарова поехала туда, мы ее послали. Только с ее напором можно было туда проехать, полететь. Она, значит, вернулась: «Давайте напишем статью».

Н.В.: А как вообще вы узнали про гендерную тематику в то время? Ведь вся эта идея гендера... У нас же это слово было ругательное!

Н.Р.: Я тебе скажу так: у меня есть чутье. Чутье на новое. Вообще все исследования, новые исследования, которые я проводила, я примерно опережала на 10 лет всех. Понимаешь? Я не знаю, как это. Вот, например, «Гендер». Даже никто не знал, что это такое.

Н.В.: Слова же никто не знал.

Н.Р.: Гендер или тендер? И что это такое? А я не знаю даже, как это вдруг меня туда потянуло. Вот Ася Посадская, которая с Соросом все флиртвала, узнала. Мы написали тройственную статью. Я, Ася Посадская и Наташа Захарова.

Н.В.: Да, я помню эту статью.

Н.Р.: Она называлась очень просто: «Как мы решаем женский вопрос». И никто на нее не обратил внимания. Ее опубликовал «Коммунист». Там две мои работы опубликовал Гайдар, по-моему, и эту тоже. Он в это время был в «Коммунисте». Эту статью перевели и опубликовали 13 стран.

Н.В.: Наталья Михайловна, вы как женщина в науке лично чувствовали эти гендерные проблемы?

Н.Р.: Я скажу почему. Отчасти потому, что у нас же были отрасли женские и мужские. Мужские отрасли — это «тяжелые» отрасли: оборонка, добытчики, потом, кто переплавлял, кто производил... В общем, тяжелая промышленность и вообще промышленность. В промышленности женщинам оставалась только легкая промышленность: текстиль, ткани, швейная. И было такое отношение: и так, мол, проживут без текстиля и без ткани. Я так понимаю их отношение к этому. Ну, что мы сейчас будем лукавить, если все это прекрасно и тогда представляли. Поэтому и разница была: женские отрасли, мужские отрасли, нужные

и не очень нужные. И доля женщин и мужчин там разная. И, самое главное, что была дискриминация в смысле оплаты труда. Здесь было два фактора. С одной стороны, фактор того, что женщины — вторые работники в семье, поэтому им можно не доплачивать. А мужчинам невозможно, иначе тогда воспроизводство страдает.

” Другой фактор был связан с тем, что женщинам как бы не доверяли: они не то будут делать, не то говорить, над ними невозможно поставить надсмотрщиков, они убегут.

Например, среди журналистов было мало женщин, на всех международных совещаниях, в международных отношениях и так далее были мужчины.

Н.В.: То есть вы это все-таки ощущали?

Н.Р.: Ощущали, да. Поэтому я во всех исследованиях разницу по полу всегда смотрела, что там происходило. А потом как-то быстро все это поднялось. Был такой Яновский, ну ты не знаешь...

Н.В.: Из Института философии?

Н.Р.: Нет, нет. Он работал в ЦК КПСС. Вот в рамках КПСС (там же были такие полузакрытые институты) он был директор одного из институтов. Потом он построил здание около [метро] Юго-Западная, то, что сейчас занял Мау. Вот это Яновский.

Н.В.: Это Академия народного хозяйства при правительстве?

Н.Р.: Ну, да. Там же было две академии?

Н.В.: И академия при ЦК и при правительстве, две.

Н.Р.: Да-да. При правительстве — в свое время там руководил Аганбегян, а при ЦК — Яновский... Ну, потом эти новые его выгнали. Он ушел в социологию, сейчас он уже умер. Он, так сказать, тоже это почувствовал, что в теме гендера что-то есть. И поэтому он стал собирать женщин и обсуждать эти проблемы. Ну, а Тишков еще спал, он еще ничего этого не знал.

Н.В.: Да-да.

Н.Р.: Может быть Яновский и пригласил Пушкареву, я не знаю.

Н.В.: Если он ее и пригласил, то позже, потому что я в свое время выступала на семинаре Яновского (семинар был в Институте философии), еще никакой Пушкаревой не было и в помине. Это уже конкурентная борьба такая на этой теме началась, да?

Н.Р.: Да, абсолютно. Я тебе скажу, почему конкурентная борьба. Все потому, что западные фонды и т.д. хотели финансировать проблематику, связанную с гендером. И они приезжали сюда, мы ездили туда, у нас был постоянный обмен информацией на этой почве. И поэтому все стали туда стремиться. Там Сорос, его фонды, куски фондов. Потом к Соросу ушла Ася Посадская. Наташу [Захарову] я пристроила в ООН, поскольку в то время расширялась эта проблематика.

Н.В.: То есть ваши две первые ученицы уехали, да?

Н.Р.: Уехали. А сейчас снова собрались там, в ООН. Сейчас там оказалось такое объединение всей проблематики по гендеру, по женщинам. Вот там они обе сейчас работают, Наташа и Ася.

Н.В.: У Аси же хороший язык был, я помню.

Н.Р.: И у Наташи прекрасный! Она вышла замуж там. И Ася тоже вышла там замуж. Муж Наташи не говорит по-русски вообще. У них хороший язык, хороший был и у той, и у другой. Ну, в общем, сейчас они там

работают. Это мои ученицы, из тех, что по «Гендеру».

Н.В.: А Центр вы создали гендерный?

Н.Р.: Его почти сразу в 88-м мы и создали.

Н.В.: Прямо при институте?

Н.Р.: При институте, да. В институте была и лаборатория, и МЦГИ — Московский центр гендерных исследований. Вот там потом, когда Ася уехала, осталась Воронина из Института философии.

Знаешь, я тебе скажу. Вот все, что сейчас делается по всем направлениям, которыми я занималась, — все это я уже прошла. Я ж тебе говорила. Уже все это поле протоптала. Поэтому то, что там что-то делают... Я там была первой. Даже такая проблематика, которая сейчас очень бурно обсуждается — пенсии. Мы первый доклад сделали в 74-м году. Представляешь, сколько это прошло, 30 или сколько там лет. А они только сейчас начинают что-то делать. Мне это все уже неинтересно. Я сейчас занимаюсь тем, что мне интересно, мне как исследователю. Где я могу сказать какое-то новое слово, новый абзац, где новые мысли нахожу. Но, если кто-то из начальства сейчас, это тоже бывает, просит что-то сделать, нет проблемы. Любую работу, которую мне могут заказать (хотя, конечно, я этого не хочу), я с легкостью делаю. Ну, просто потому, что я это все уже проживала, понимаешь, я все это прошла и не один раз.

Н.В.: А вот за эти последние 20 лет, уже после перестройки, у вас же в институте было много абсолютно новых работ.

Н.Р.: Абсолютно. Вот, могу сказать. У меня есть такая статья. Она называется «50 лет в науке». Статья у меня опубликована в своем журнале [«Народонаселение»]. Конечно, там я показала основные работы, которые были сделаны. Основные проекты, основные работы, основные результаты. Когда я делала доклад здесь, в институте, на 25-летие, то я сказала, что остановлюсь только на трех, ну на четырех проектах. Те из них, что представляют особый интерес по каким-то соображениям. Ну, первый, конечно, «Таганрог». «Таганрог», который треть века продолжался, с конца 60-х до 2000 года. И конечно, даже не будучи очень скромной, я скажу, что это уникальное исследование было. И мы начинаем новое в этом году.

Н.В.: Да?! У вас будет новый «Таганрог»?!

Н.Р.: Да, и мы получили даже грант.

Н.В.: Наш грант, российский?

Н.Р.: Да, да, российский. РФФИ нам дал грант.

Н.В.: А какое будет приложение, вторая часть? Здоровье? Или что это будет?

Н.Р.: Нет, нет. Здоровье — нет, здоровье — это отдельно. Будет отдельный проект по здоровью.

Н.В.: То есть это будет 6-й «Таганрог»?

Н.Р.: Ну, вообще да, вроде бы. Но я считаю, что это будет 2-й, потому что мы будем сравнивать то, что было с населением, и то, что стало. Я даже там написала: «Кто мы? Куда мы идем? Что мы хотим?» *(Смеется.)*

Н.В.: Фактически у вас же есть уникальные данные от прошлых исследований в Таганроге для сравнения.

Н.Р.: Конечно, конечно. Вот это мы начинаем. Я его планирую на 3 года. Думаю, что я проживу 3 года. В этом году мы теорию и методологию делаем, в будущем году мы будем методики делать (это анкеты и само поле). А на 3-й год мы уже будем делать анализ и действительно «куда мы идем-то, что мы делаем вообще сами с собой?»

Н.В.: У вас же команда была в Таганроге замечательная, та, что поле делала.

Н.Р.: Да. Там был глава...

Н.В.: Мэр города.

Н.Р.: Мэр города, он был у нас первым интервьюером, ходил по квартирам на первом обследовании. Ну, значит, вот это первое.

Второе — это, конечно, «Гендер». Ничего до нас не было в России, это ясно. И после того, как мы вышли на эту тему, все это расцвело буйным цветом.

Н.В.: А вам обидно, что кто-то перехватывает первенство?

Н.Р.: Ты знаешь, я тебе скажу, мне это не обидно, потому что я просто этого не знаю. Вот этот Тишков... До меня все это дошло как-то очень косвенно, что он проводил какую-то конференцию.

Н.В.: Они же получают международные гранты и проводят конференции.

Н.Р.: Ну, может быть. Сейчас вообще международные гранты — это немодно. Это агенты, иностранные агенты (*смеется*). Но, в общем, понимаешь, то, что мы сделали, и те публикации, которые мы сделали по гендеру, он не успеет это сделать. Это не просто. Это только кажется, что вот он сделал конференцию и все.

Н.В.: Я еще думаю, в чем отличие. Все-таки они историки, а гендер — это экономика во многом.

Н.Р.: Во многом да. Например, знаешь, когда приезжали к нам оттуда, из-за рубежа, из Америки в основном, специалисты по гендеру... Ну не только из США. В Швеции же много гендеристов, ты же знаешь. Эта Катя, Катерина*. Всегда их интересовала, во-первых, занятость. Я сначала думала, почему это занятость? Не знала, думала, может надо сначала про любовь, а потом про занятость. А на самом деле, корень здесь лежит, в занятости, а занятость связана с образованием, с возможностями и все такое. В общем, мы это все освоили, понимаешь, а они не могут этого освоить. Просто для этого нужно время и надо информацию иметь, и надо понять, как ее получить эту информацию. Это ему кажется... Я же знаю наши расхождения: с точки зрения информации он социолог, а я экономист, с точки зрения получения, обработки и осмысления информации я экономист. Вот, поэтому, в общем, он для меня не конкурент. То, что он получает [деньги] — ну и хорошо. Всех денег не заработаешь. Итак, второе, это, конечно, «Гендер». Мы здесь проводили и образовательные, и исследовательские, и практические работы.

* Katarina Katz — шведская исследовательница, сотрудничала с Институтом Римашевской, в частности по проекту «Таганрог».

Здравоохранение и здоровье населения

Третий проект — это, конечно, здоровье. Даже Аганбегян (я вообще считаю, что он лучший из экономистов России сейчас) не понимал, что есть здравоохранение, а есть здоровье. А это вещи разные. Очень разные. Все зависит от того, по какой линии ты идешь. Если будешь идти по линии финансирования здравоохранения, то ты одни результаты получишь, и люди тоже. А если ты будешь финансировать не здравоохранение, а здоровье, то это другие факторы, и другие результаты, и другие деньги, и другие ресурсы. Поэтому я вот это пытаюсь сейчас объяснить, это различие. Но это не просто, люди не понимают: «Она что, против развития здравоохранения?» А здесь ситуация такая. Вот я вам сейчас на простом примере покажу. Вот, например, беременные женщины. Я, кажется, уже их достала с этими беременными женщинами. Так вот беременные женщины. Из них 40% страдают анемией и рожают около 40% больных детей, новорожденных. Уже родились больными. Причем, вот сейчас покупают эти, как их называют, кюветы для новорожденных...

Н.В.: Да, да.

Н.Р.: Чтобы там их вынашивать, чтобы они не болели. Все методики, технологии, все это мы внедряем. Но эти дети уже не будут здоровыми. Они не родились здоровыми. А почему они рождаются больными?

Потому что матери не доедают. Анемия — это маркер бедности. Это у нас так и есть по другим данным: 40% беременных рожают в бедных семьях, которые не имеют прожиточного минимума. Поэтому мы должны ресурсы делить на две части: одну часть — развивать здравоохранение, вот эти кюветы, все эти технологии. И вторую часть — на корм беременным женщинам. И я уже выступала на последнем форуме, прошу прощения, и сказала: «Я уже 15 лет говорю — давайте накормим беременных!» Они же 9 месяцев [носят ребенка]. Да, беременных и кормящих. Они 9 месяцев беременны, ну еще 6 месяцев кормят, в лучшем случае. То есть, чуть больше года надо каждую женщину подкормить. И так далее. Это совсем другое поколение мы будем иметь! Я разговаривала с Лаховой, с Панфиловой, со всеми нашими знаменитыми женщинами. Но они все время так головой кивают, согласны, и ничего не сделали. Когда я последний раз выступала, это было примерно месяц тому назад, я сказала, что снова...

Н.В.: Это где вы выступали, на каком-то комитете?

Н.Р.: Сейчас скажу. Я им сказала: «Я снова беру на себя смелость говорить по этому поводу, потому что надеюсь, что все-таки будет решен этот вопрос, что мы накормим беременных и кормящих матерей». И это только маленькая деталь.

” Наши исследования показывают, что все, что касается здоровья, все факторы, которые связаны с уровнем здоровья, выходят на бедность и дифференциацию, бедность и неравенство.

Пока мы этого не сможем, мы ничего не сделаем. И так, это третий проект, важный с моей точки зрения. Потому что он показывает, куда надо тратить ресурсы. Ресурсов мало: и туда надо, и сюда надо.

Н.В.: Ну да, и вы говорите, что надо в бедность и в дифференциацию, это очень важно.

Н.Р.: Конечно, конечно, надо обязательно.

Н.В.: А как это связано с дифференциацией?

Н.Р.: А очень просто. Вот они нам сейчас всем уже уши прожужжали, что у нас доходы растут. Слушайте, не надо! Ну, я вообще молчу. Никуда не хожу, ни с кем не говорю, нигде не выступаю. Потому что это глупость, что у нас доходы растут! Конечно, если взять ВВП и делить на душу и так далее, то можно увидеть, что происходит, но, так сказать, очень примерно. Что такое ВВП на душу? Если у нас ежегодно на 10 миллиардеров увеличивается их численность, а потом мы все это соединяем и делим на все население... Ну какие там доходы! Они растут в том смысле, что у одних растут, у полпроцента, а у других они падают. Потому что это же одна кастрюля.

Н.В.: А вы внутрикорпоративные различия рассматриваете? Потому что внутрикорпоративные различия тоже очень большие.

Н.Р.: Ну понятно, боже мой, ну конечно. Я думаю, что мы в «Таганроге» будем этим заниматься, потому что раньше же не было большой дифференциации внутри предприятия.

Н.В.: Да, это тоже новое обстоятельство.

Отношение власти к проблемам бедности и неравенства

Н.Р.: Это совсем новое. Вот если, например, сравнивать с Западной Европой, там разница — семь, один к семи. Вообще в целом по экономике. Это раз. И второе. У них верхний эшелон корпораций не может получать больше, чем в 7 раз, нет, даже в 5 раз, чем в среднем получает основная масса на этом предприятии. А у нас даже то, что я слышу по радио, это вообще безумие! Вот эти золотые зонтики.

Н.В.: Парашюты.

Н.Р.: Парашют, да-да. Парашют в 200 миллионов, 300 миллионов, 500 миллионов. Вчера выступил Владимир Владимирович Путин и сказал, что это безобразие, такие парашюты, что надо все это отменить или что-то с этим сделать. И что? Путин предлагает присваивать звания Героя социалистического труда. Ну, в общем, ничего не могут придумать даже. Я смеюсь, конечно, над этим, потому что я все это прошла уже. Понимаешь? Вот они там сидят, умные головы, и что-то такое видят. Видят, что что-то не то. А что? А что надо? И я вижу, кто им там советует.

Н.В.: А кто им сейчас советует?

Н.Р.: Наши конкуренты. Я знаю, например, двоих. Два человека — это мои бывшие докторанты.

Н.В.: Это Высшая школа экономики?

Н.Р.: Ну, они рядом там. Авраамова ушла в институт при правительстве Москвы.

Н.В.: Аврамова ушла?

Н.Р.: Да, давно уже. Мы же с ней работали. Она меня, как бы, предала. Вообще, в жизни меня, можно сказать, никто не предавал, понимаешь, она первая предала меня, и вот она...

Н.В.: И стала конкурентом?

Н.Р.: Да. И довольно быстро она ушла в правительство. Она умная женщина. Но это не важно. Ну, умная, и я тоже неглупая. А вторая — это Овчарова. Тоже моя докторантка, которая недавно защитилась у нас. Авраамова ушла в какой-то институт, не помню точно. Потом они потеряли источник финансирования и нанялись к Собянину. Овчарова, по-моему, в Высшей школе.

Н.В.: Но она же директор какого-то института? Независимого института социальной политики.

Н.Р.: Ну вот, она директор института, где нет источника финансирования, вот этого независимого... Раньше их финансировали западные фонды, а сейчас, значит, Мау...

Н.В.: А в каком смысле они конкуренты? То есть у них другая идеология?

Н.Р.: Ну, они конкуренты в том смысле, что... Просто они знают мои идеи, мои мысли, идеологию, все.

Н.В.: Ну, конечно, это же ваши ученики.

Н.Р.: Но я тебе скажу, что они, конечно, либералы, а я нет. Я не либерал. Я, как бы сказать, социал-демократ, что ли, или кто-то в этом роде.

Н.В.: Ну, сейчас все это условно. Либералы — кто это? Вот, моя дочь всегда говорит, что это как-то неправильно понимается, что у нас свое представление.

Н.Р.: Да. В общем, да. Я их рассматриваю как конкурентов условно тоже. Ну, почему? Потому что они не знают всех тонкостей. Я-то это все прошла, все это пережила, все это 10 раз через свою голову пропустила.

Н.В.: У них больше теории, да? В каком-то смысле упор на теорию?

Н.Р.: Даже нет. Сейчас они даже меньше теоретизируют, потому что они деньги отрабатывают. Им платят, и они отрабатывают таким образом — дают то, что хотят заказчики.

Н.В.: Потому что у них заказчики?

Н.Р.: Да, заказчики. А мы, в общем, даем то, что считаем сами правильным.

Н.В.: То есть вы как Академия наук, вы независимы все-таки в этом смысле?

Н.Р.: Независимая, да. Я в этом смысле независима.

Н.В.: Поэтому, наверное, Академия и стала неудобным учреждением.

Н.Р.: Наверное, не знаю. Дело в том, что я просто независимая, конечно, потому что уже старая. *(Смеется.)* Мне уже ничего не надо, понимаешь? Слава богу, дожидая до такого состояния, что мне ничего не надо. Что касается денег, мне хватает и даже остается. Я всегда так говорю. Мне нужны только новые знания. И вот почему я готова делать новый «Таганрог». Потому что я хочу понять, мы должны понять, что же с нами происходит и что мы вообще делаем. Это нужно для того, чтобы идти по правильному пути, а не по тому, что они [либералы] хотят и говорят нам: «Вот это, вот это». И мои сотрудники тоже... Дискин, Рубвальтер — это мои замы. Шевяков. Я ему помогла защититься. И все они потом ушли. Ну, бог с ними, ничего страшного. Я их не считаю опасными конкурентами, в том смысле, что, во-первых, я пережила и гораздо больше усвоила вот эту жизнь. А, во-вторых, просто они хотят быстрее сделать то, что заказчик ждет от них. А я не хочу этого, я изучаю только то, что есть на самом деле.

Н.В.: А вот теперь новым властям, им тоже не нужна правда?

Н.Р.: Конечно, нет! Им, конечно, правда не нужна. Как они могут объяснить, почему за прошлый год у нас 10 миллиардеров прибавилось? Как это объяснить? Ну как? Очень просто объяснить! Потому что все, что было в обществе, либо разрушено, либо они разделили между собой. И теперь работает только то, что они присвоили в начале 90-х. Как они могут это объяснить?

Поэтому, когда мне вчера позвонила моя подруга Оля Рогова, и говорит: «Наташа, обязательно возьми 3-й номер „Вопросов экономики“, там статья Кудрина такая, такая!» Я говорю: «Ну, и что там он пишет? Оля, поздно, поздно читать Кудрина». Ничего нового он, во-первых, не напишет, а то, что он напишет, это все... Они все давно разделили. Теперь что, надо переделить? Теперь все забрать у этих и, так сказать, дать тем, кто не имеет, этим бедным матерям, 40% которых рождаются в семьях, лишенных прожиточного минимума? Они же все время подделывают прожиточный минимум. Вот сейчас они, в 13-м году, опубликовали этот минимум. Моя Мигранова все проанализировала и дезавуировала их расчеты. Ведь надо, чтобы семья могла заплатить за образование. А им еду не на что купить. Понимаешь? Они же должны как-то это закрыть, прикрыть и, так сказать, заморочить голову.

Н.В.: То есть прожиточный минимум фальсифицирован?

Н.Р.: Конечно. Так они делают, чтобы основная масса не поняла, что к чему. Но тут и понимать нечего, люди-то ощущают это. Сейчас новый этап, который не менее интересен, чем, допустим, 90-е годы, когда тащили все на разрыв.

Н.В.: Чем он сейчас интересен?

Н.Р.: Ну, интересен тем, как бедные эти власти наши мечтают. Они мечтают, чтобы... Что делать-то? Они и у олигархов не могут отобрать, хотя он и старается. Вот это его предложение, чтобы парашюта золотого не было, и чтобы давать Героев соцтруда. Ну, это же явные метания в стороны. С одной стороны, они мечтают, с другой стороны, взять у олигархов они не могут. Как бы священная собственность. Ну, вот что было на Кипре...

Н.В.: Кризис.

Н.Р.: Кризис. А с другой стороны, население-то страдает. Ну, будет еще какой-то период, оно будет страдать и дальше.

Понимаете, даже я не считаю, что страдание населения — это фактор важный. Важный, но не очень. Потому что население веками страдало. А я считаю, что очень важно, что население теряет потенциал качественный, теряет здоровье, в широком смысле.

Вот, а сейчас, если будет платное образование, то вообще что?

Н.В.: Образование тоже теряет качество.

Н.Р.: Конечно, качество. Сейчас ситуация такая, что возникает социальная воронка. Она состоит в том, что ребенок, мать которого не доедала, рождается больным. Ну, его лечат, все новые технологии, лекарства, все это используется. Но все равно он здоровым не становится на 100%. А что это означает? Это означает, что он в течение жизненного цикла не реабилитируется. Просто он не может. Есть разные заболевания, которые не поддаются реабилитации. Но он живет. У него наступает репродуктивный период. Он рождает, будучи больным. А больные рожают больных. Так же как бедные рожают бедных.

Н.В.: Наталья Михайловна, вы когда-то говорили, что здоровье у нас начало портиться еще до перестройки.

Н.Р.: Да. Я сейчас скажу. Понимаете, что воронка образуется. И она втягивает туда все большую долю, большую часть населения.

Н.В.: То есть качество населения ухудшается?

Н.Р.: Качество населения ухудшается. Вот, покажите мне страну, европейскую развитую страну, где бы было падение здоровья. Этого нет нигде, кроме России. Я им говорю: «Вы знаете, что все страны, начиная с Америки, они вот это — накормить беременных и кормящих, они уже это сделали. Сделали, и везде снизилась младенческая смертность». А мы же считаем, что у нас и так хорошо, что у нас и так падает младенческая смертность. Понятно?

Н.В.: Но мы другими способами смертность снижаем.

Н.Р.: Новорожденных, вообще, оживляют, умеют оживлять. Но от того, что их оживляют, от этого они здоровее же не становятся. Но это никого не волнует. Подумаешь, когда-то там через 15 лет, какими они будут. А я уже буду в Майами или где-то еще, меня это не волнует (*усмехается*). Понимаете, какая история?

Н.В.: То есть здоровье — это сейчас самое актуальное, да?

Н.Р.: С моей точки зрения, самое-самое. А мы, так сказать, хотим здравоохранение. Я согласна. Надо в здравоохранение [вкладывать], ну, по крайней мере, до определенного уровня. Долю расходов на здравоохранение нужно довести до того, что имеет европейский стандарт, я не говорю про Америку. Вот. Это хороший шаг, но не он решает.

Н.В.: А как вы относитесь к дифференциации в качестве питания? О чем Варшавский говорит?

Н.Р.: Да-да, и молодец.

Н.В.: Что колбаса за 100 рублей для одних и колбаса за 500 рублей другого качества, та же самая докторская.

Н.Р.: Да, это очень важно.

Н.В.: Да, то есть это тоже фактор здоровья?

Н.Р.: Да. Это, конечно, очень важно, очень-очень. Я даже его как-то прочла и сказала, что мне понравилась ваша публикация. Но, понимаешь, питание — это же тоже уровень жизни. Вообще, есть 3 комплекса факторов, которые определяют здоровье. Первое — это генетический.

Н.В.: Генетический?

Н.Р.: Генетический. Это вот кто рождает. Со здоровой генетикой или уже больной?

Второе — это, когда человек не получает компенсации за свой труд. Это стресс, это недоедание,

это недовольство местом своей занятости. От этого нарушается обмен в организме, сбивается иммунитет, нарушаются биологические процессы, гены мутируют. Это вторая группа факторов.

Н.В.: Это психологический фактор уже получается?

Н.Р.: Нет, это не психологический. Это отчасти психологический, отчасти, но на самом деле именно биологические процессы нарушаются. Это вторая группа факторов. Эту тему нужно развивать. Почему, допустим, смертность у мужчин выше...

А третий фактор — это предпочтение. Сейчас предпочтение отдается физическому производству по отношению к гуманитарному. Вот нам надо, чтобы ВВП вырос в 2 раза или в 3 раза. А вопрос не в физическом росте, а в том, как ВВП использовать. А использовать его нужно гуманитарным способом. Чтобы шло самосохранение... Чтобы человек был озабочен своим самосохранительным поведением. Вот так.

 Потому что во всем развитом мире, во всех развитых странах люди конвертируют доходы в здоровье, а у нас наоборот: мы конвертируем здоровье в доходы.

Понятно, да?

Н.В.: Да.

Н.Р.: Ну вот, это 3 группы факторов, которые все связаны с уровнем жизни. То есть с доходами, с качеством и так далее... А что у нас делается? Все наоборот! Сейчас моя сотрудница написала работу про прожиточный минимум, который должен гарантироваться государством каждому гражданину.

Н.В.: Это кто?

Н.Р.: Мигранова. Я ей сказала, вот сейчас напиши об этом. Я буду выступать и скажу. Вот они хотят все сделать платным, но людей же накормить надо, а потом уже все остальное. А теперь люди не будут есть, а будут все откладывать, чтобы учить детей.

Н.В.: Да, да.

Н.Р.: Вот и все, понимаете? Ну, короче говоря, ситуация плохая. Здоровье у нас падает, катится вниз. Я даже в докладе написала, что до тех пор, пока мы не решим проблему бедности и неравенства или не снизим, по крайней мере, до тех пор мы не сможем ничего сделать, чтобы этот тренд снижающегося здоровья изменить и приостановить.

Н.В.: А у вас еще неравенством кто-нибудь занимается?

Н.Р.: Я не знаю. Сейчас мой Слава ушел в Высшую школу.

Н.В.: Сопцов?

Н.Р.: Сопцов, да. Я не знаю, что он там делает, но он уже все, по-моему, он издох. У него такое мышление, как это сказать, механическое, что ли. Не по существу, а вот так, так, квадрат там...

Н.В.: Лесенка, да?

Н.Р.: Лесенка там и так далее.

Н.В.: Потребление лесенкой.

Н.Р.: Да-да. А на самом деле не все зависит от этой лесенки. Все, Наташа, я устала уже.

Н.В.: Да-да. Вот скажите только пунктиром... Вы назвали только 3 проблемы: труд, здоровье, гендер. Три.

А еще?

Н.Р.: А четвертое — это бедность и неравенство.

Н.В.: Бедность, неравенство. И пятое, вы говорили?

Н.Р.: Нет, я сказала 4. Но вот эти 3 — это новое совсем. То, что сделано у нас в институте. А неравенство и бедность — это я еще начинала, когда я только пришла. В общем, это было давным-давно, и мы все время этим занимаемся. В данном случае все зависит от статистики, как ее получить, как собрать. Вот раньше-то мы знали, как получить. То есть начальство наше могло сказать, что нам должны дать какую-то статистику. А сейчас никто не слушает наше начальство.

Н.В.: Наталья Михайловна, в заключение, скажите, пожалуйста, каков ваш прогноз на будущее? Видите ли вы кого-нибудь из среды экономистов сильного, кто правильно мыслит?

Н.Р.: Я скажу. Я, конечно, очень мало думаю на этот счет, но все-таки, я думаю, что на самом деле таким экономистом является Глазьев. Но он лишен социального мышления. Совсем. Во всех его работах, хотя я мало читала, но там этого нет. Я понимаю это, что не все могут социальные аспекты понять... А больше? Даже Аганбегян, который, я уже говорила, сильнейший. Когда я начала говорить о здоровье, он не заинтересовался разницей между здравоохранением и здоровьем. Вот мы можем получать большую численность, допустим, новорожденных, но одновременно мы будем получать и больше больных.

Н.В.: Ну да, качество человеческого материала, если грубо говорить.

Н.Р.: Качество человеческого материала, да.

Н.В.: И человеческого капитала тем самым.

Н.Р.: Капитала, да. Оно все будет ухудшаться. Самое главное — это воронка вот эта.

Н.В.: То есть у вас прогноз не оптимистичный?

Н.Р.: У меня прогноз... Ну, я не знаю. Знаешь, говорят, что это неблагодарное дело — делать прогнозы, но здесь ситуация такая... Здесь много факторов. Нет одного такого фактора, нет одного такого человека, который все скажет, и все начнут делать. Ничего этого не будет. Потому что все уже, они сделали такие шаги в 90-е годы, что развернуть назад, уже непонятно как. Через революцию? Перебить этих, кто все забрал? А ведь толку мало, потому что они все уже отправили в другие страны. Знаешь, я тебе скажу, Наташа, меня в каком-то смысле это меньше волнует. Конечно, я понимаю, что я должна думать о своих детях и внуках, но я думаю о себе, как ни странно (*смеется*). Что я? Сколько я еще проживу вообще? Я же говорю, что мне всего хватает. Ну, не знаю. Пусть думают сейчас дети и внуки.

Н.В.: Пусть думают, как жить.